

ЛЮБОВЬ КАК БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Любовь рассматривается автором как базовая ценность русской цивилизации, поскольку благодаря ей и вокруг нее формируются другие фундаментальные ценности: защита жизни, справедливость, соборность, совесть, созидательность, великодушие, нравственное здоровье, свободолюбие, умение терпеть, выносливость, «всемирная отзывчивость». Россия является центром притяжения других народов и призвана защитить и сохранить уникальность и многообразие культур. Русская идея в своей органической интерпретации утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ; ЦЕННОСТИ; КУЛЬТУРА; ЗАЩИТА ЖИЗНИ; СОБОРНОСТЬ; СОВЕСТЬ; СОЗИДАТЕЛЬНОСТЬ; ВЕЛИКОДУШИЕ; НРАВСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ.

7 февраля 2014 года в Сочи состоялась церемония открытия зимних Олимпийских игр. Она повлекла за собой аналитические (главным образом культурологические) исследования по расшифровке символов и посланий, содержащихся в перформансе. Силу воздействия этой церемонии, свидетелями и сопричастными которой оказалось более 3 миллиардов человек, тогда признали все мировые средства массовой информации, в том числе и массмедиа «санкционирующих» нас «партнеров».

Это мощное воздействие было связано прежде всего с тем, что Россия впервые за много лет продемонстрировала миру ключевую ценность, на которой зиждется русская цивилизация, — Любовь. Ее аллегория была представлена в образе пронзительно-трепетной летящей девочки, глядя на которую, мы не могли не вспомнить слова Ю. Гагарина и других космонавтов о том, насколько хрупкой и прекрасной их взору предстала наша планета. Девочка во сне-мечте воспаряет в небо и видит проплывающую под ней Россию, но Россию не земную, не материальную, а ее небесное отражение, словно эйдос Платона. Более того, Россия зовет за собой весь мир, предлагая отвергнуть псевдоценности конкурирующего индивидуализма, гедонизма, релятивизма, унификации, ведущих к деградации и отмиранию. Россия предлагает выбрать жизнь, мир, нравственное здоровье, радость творческого труда.

Эффект синергии в социальных группах возникает только на основе взаимного доверия. В свою очередь, доверие между людьми складывается только тогда, когда общество скреплено общими ценностями. Ценности выступают мощным интегративным мировоззренческим фундаментом поведения и деятельности человека в контексте социальной группы.

Ценностный подход составляет необходимый аспект теории познания и методологии научного исследования, в особенности социально-философского исследования. Каждый подход к социальным исследованиям зависит от определенных аксиологических оснований. Таким образом, ценностный подход в управлении социальными системами является основополагающим.

Вслед за Г.В. Лейбницем мы настаиваем на утверждении: «*Ценное* есть значительное с точки зрения блага» [10, с. 126].

Весьма показательным является употребление категории ценности в связи с характеристикой культуры. Большинство определений культуры неизменно указывает на ценности как на ее основополагающие элементы. В ценностях сосредоточены опыт и познание прошлых поколений и одновременно воплощена устремленность культуры в будущее.

В каждой культуре доминирует своя система ценностей, которая, в свою очередь, состоит из неоднородных, зачастую антагонистических

элементов. Сравнение культур обычно проводится по линии сопоставления их ценностных комплексов.

Сегодня как никогда обостряются длящиеся уже более сорока лет дискуссии по вопросам *культурного империализма* [13], который выражается в настойчивой пропаганде всеобщих («общечеловеческих») ценностных ориентаций и нормативных установок, присущих всем людям без различия их государственной, национальной, конфессиональной, социально-культурной и даже гендерной принадлежности.

Конфликт основывается на том, что насаждается именно массовая культура потребления с ее основными ценностными установками: конкурирующим индивидуализмом, этическим релятивизмом, гедонизмом, потреблением, унификацией.

1940-е годы стали вехой в деле производства (воспитания) конформных масс, из которых предполагалось создавать общество потребления. Промышленным предприятиям, преследующим цель *максимизации прибыли*, а следовательно, и *максимизации производства*, требовалась соответствующая потребительская аудитория, которую было необходимо ориентировать на *максимизацию потребления*. Необходимо было создать «человека потребляющего», смыслом существования которого становилась максимизация положительных эмоций от потребления товаров и услуг и минимизация отрицательных эмоций, т. е. гедонизм должен был стать доминирующей мировоззренческой установкой.

Очень точно охарактеризовал конформные массы Х. Ортега-и-Гассет: «...Масса — совокупность лиц, не выделенных ничем, это „средний человек“. Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни во зле *не мерит себя особой мерой*, а ощущает таким же, „как и все“, и не только не удручен, но и доволен собственной неотличимостью» [11, с. 11–12].

Главная черта человека массы не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений [1, с. 422].

По утверждению Х. Арндт, тотальное господство, которое стремится привести бесконечное множество весьма разных человеческих существ к одному знаменателю, возможно лишь в том случае, если любого и каждого человека удастся свести к некоей никогда не изменяющейся, тождественной самой себе совокупности ре-

акций и при этом каждую такую совокупность реакций можно будет наобум заменить любой другой. Проблема здесь состоит в том, чтобы сфабриковать нечто несуществующее, а именно некий человеческий вид, который напоминал бы другие животные виды и вся «свобода» которого состояла бы в «сохранении вида» [Там же. С. 568–569].

Методы достижения подобных стратегических целей были указаны 70 лет назад в доктрине А. Даллеса: «Окончится Вторая мировая война. Как-то всё утрясется, устроится. И мы бросим всё, что имеем, всё золото, всю материальную мощь на оболванивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить» [5].

Для того чтобы осуществить подобные устремления, само понятие любви дискредитировалось и сводилось к «приятно-полезной функции организма», как это было показано Е. Замятиним еще в 20-е годы прошлого столетия в антиутопии «Мы»: «Естественно, что, подчинив себе Голод, Единое Государство повело наступление против другого владыки мира — против Любви. Наконец, и эта стихия была тоже побеждена, т. е. организована, математизирована, и около 300 лет назад был провозглашен наш исторический „Lex sexua’lis“: всякий из нумеров имеет право — как на сексуальный продукт — на любой нумер» [7, с. 321].

Одной из идеологических баз концепций управления человеком вот уже более 100 лет выступает теория социального дарвинизма, основанная на принципе конкуренции. Человек рассматривается как особь, в которой биологическая компонента имеет определяющее значение. И.А. Ефремов связывал это учение с теорией *инфернальности* (от *лат.* — «ад»): естественный отбор природы предстал как самое яркое выражение инфернальности, метод добиваться улучшения вслепую, как в игре, бросающая кости несчетное число раз. Но за каждым броском стоят миллионы жизней, погибавших в страдании и безысходности. Жестокий отбор формировал и направлял эволюцию по пути совершенствования организма только в одном, главном, направлении — наибольшей свободы, независимости от внешней среды. Человек как существо мыслящее попал в двойное inferno — для тела и для души. Inferno для души —

это первобытные инстинкты, плен, в котором человек держит сам себя, думая, что сохраняет индивидуальность. Некоторые философы, говоря о роковой неодолимости инстинктов, способствовали их развитию и тем самым затрудняли выход из инферно. Выход, первый шаг к подъему общественного сознания — в *создании условий* для перевеса не инстинктивных, а само-совершенствующихся особей [6, с. 96].

Развенчивая мнимый восторг Ф. Ницше, вызывавшего к безнравственному наслаждению с «веселым брюхом», к так называемому «верховному зверю» с «грубым» и «диким» нравом, И.А. Ильин выявил: «В каждом из нас есть две силы, обычно противостоящие друг другу: **сила инстинкта и сила духа**. Инстинкт, взятый сам по себе и не обузданный духом, есть **волк** в человеке: он хищен, коварен и жесток. Но он хитрее и изворотливее лесного волка. Человек голого инстинкта не ведает ни веры, ни совести, ни жалости, ни чести; он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него все хорошо, что ему выгодно. Он ищет богатства и власти» [8, с. 31].

В работах И.А. Ильина мы также находим необыкновенно актуальные замечания по поводу кризиса такой культуры, из-под которой выбиты нравственные опоры. Философ указывает на *духовные раны* обреченной культуры, которая создавалась человечеством без веры, без сердца, без созерцания и без совести. Культура без сердца не культура, а дурная «цивилизация», создающая гибельную технику и унижительную, мучительную жизнь. Расколотый человек всю свою жизнь балансирует между соображениями о пользе, которые он обозначает словом «разум», «разумный», и минутным капризом, которому он так охотно предается под именем «настроения». Если ему удастся держать кое-как равновесие между тем и другим, то его существование становится выносимым; если это ему не удастся, то он становится жертвой ипохондрии и ведет жалкое существование. Он вообще не знает, что начать, и главной целью его становится обогащение; все иное, высшее недоступно ему, ибо более глубокие источники и настоящие святые не существуют для него. Отсюда эта беспредметная тоска и скука жизни, которая владеет современным «цивилизованным», но культурно и духовно опустошенным человеком.

Моральный гедонист инстинктивно тяготеет ко всему, что вызывает в нем состояние блаженного умиления, и столь же инстинктивно отвращается от всего, что грозит нарушить, оборвать и погасить это состояние. Тягостный, мучительный опыт подлинного зла совсем отстраняется им, и всё воспринимаемое им систематически перетолковывается, искажается. Моральный гедонист видит не то, что подлинно существует. Он ценит в опыте не объективную верность и точность, а соответствие своим субъективным настроениям и фантазиям: его мирозерцание приобретает черты идиллической противоположности [9, с. 47–48].

Тенденция к установлению унифицированной массовой культуры по американскому подобию в определенной мере указывает на неизбежную перспективу заката и смерти культуры, что, в свою очередь, приводит к упадку и аннигиляции государства.

Если обратиться к терминологии Л.Н. Гумилева, то такое состояние жизни этноса называется инерционной фазой. Этнос живет «по инерции», благодаря приобретенным ценностям. Происходит взаимное подчинение людей друг другу, образование больших государств, создание и накопление материальных ценностей. Пассионарность (способность вбирать в себя энергию биосферы больше, чем необходимо) постепенно иссякает. Ведущее положение в обществе занимают субпассионарии — люди с пониженной пассионарностью. Они уничтожают не только беспокойных пассионариев, но и трудолюбивых гармоничных людей. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада становятся необратимыми. Господствуют люди вялые и эгоистичные, руководствующиеся потребительской психологией [3, с. 22].

Основная ложь и зло эгоизма заключаются в том, что, приписывая себе безусловное значение и абсолютную ценность, человек *отказывает другим* в этом значении, признавая себя центром жизни, он других помещает на периферию своего бытия, оставляя за ними лишь относительную ценность. Как справедливо отмечал В.С. Соловьёв в статье «Смысл любви», «рассудок показывает нам, что это неосновательно и несправедливо, а любовь прямо фактически упраздняет такое несправедливое отношение, заставляя нас не в отвлеченном сознании, а во внутреннем чувстве и жизненной воле признать

для себя безусловное значение другого. Познавая в любви истину другого не отвлеченно, а существенно, перенося на деле центр своей жизни за пределы своей эмпирической особенности, мы тем самым проявляем и осуществляем свою собственную истину, свое безусловное значение, которое именно и состоит в способности переходить за границы своего фактического феноменального бытия, в способности жить не только в себе, но и в другом» [12, с. 155].

Полагая, что смысл человеческой любви есть оправдание и спасение индивидуальности *через жертву* эгоизма, Соловьев утверждал: «Любовь, как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности. Любовь больше, чем разумное сознание, но без него она не могла бы действовать как внутренняя спасительная сила, возвышающая, а не упраздняющая индивидуальность. Только благодаря разумному сознанию (или, что то же, сознанию истины) человек может различать самого себя, т. е. свою истинную индивидуальность, от своего эгоизма, а потому, жертвуя этим эгоизмом, отдаваясь сам любви, он находит в ней не только живую, но и животворящую силу и не теряет вместе со своим эгоизмом и свое индивидуальное существо, а, напротив, увековечивает его [Там же. С. 152].

И.А. Ильин пришел к выводу о том, что человеку доступна двоякая любовь: любовь инстинкта и любовь духа, которые не антагонистичны, но сочетаются сравнительно редко. Различие их заключается в том, что любовь инстинкта ищет того, что данному человеку *субъективно нравится* (выражая это русской поговоркой «по милу хорош»), чтобы слепо и безосновательно приписывать ему в воображении возможные совершенства. Любовь духа ищет *подлинно (объективно)* хорошего («по хорошу мил»), тяготеет к качеству, достоинству, совершенству [9, с. 156–157]. Мы полностью разделяем мнение нашего выдающегося соотечественника о том, что любовь есть духовная **воля к совершенству** предмета любви [Там же. С. 59]. Это касается и любимого человека, и любимого Отечества, и любимой природы, и любимой планеты, и любимой Вселенной — и так до бесконечности.

Русская идея утверждает, что главное в жизни есть **любовь** и что именно любовью строится совместная жизнь на земле. Без любви русский

человек — неудавшееся существо, он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности [8, с. 318–319], что отражено, например, в «Бесах» Ф.М. Достоевского.

Русская идея — идея **сердца**. Идея **созерцающего сердца**. Сердца, созерцающего **свободно и предметно**; и передающего свое видение **воле** для действия и **мысли** для осознания и слова. Вот главная сила России и русской самобытности [Там же. С. 318].

Там, где начинается любовь, там кончается безразличие, вялость, экстенсивность: человек собирается и сосредоточивается [9, с. 154].

Следствие любви — доброта, поскольку любовь вызывает у человека *потребность* осчастливить всё и всех вокруг себя и наслаждаться этим чужим счастьем как излучением своего собственного.

Другое следствие любви, которое Ильин называет даром, — самоотверженность, самоотречение: любимый предмет оказывается для человека выше его самого [Там же. С. 155].

Н.Я. Данилевский отмечал черту чисто славянского бескорыстия: идею о возвышенности пожертвования низшим для высшего [4, с. 82], огромный перевес общенародного русского элемента над элементом личным, индивидуальным [Там же. С. 237], а также умеренность, неприязнательность и благоразумие русского народа [Там же. С. 588].

Считая, что именно духовное и политическое здоровье характеризуют русский народ, он называл болезнью русской жизни *европейничанье*. Однако в решительные минуты, в кризисы народной жизни выступают на первый план не деньги, даже не та или иная военная организация, а два *нравственных двигателя*, при посредстве которых только и бывает возможно то напряжение всех народных сил, которое всё сокрушает и ничем само сокруσιμο быть не может. Это — *дисциплина* и *энтузиазм*, или беспредельная готовность к самопожертвованию [Там же. С. 551].

Русская идея созерцающей любви и свободной предметности сама по себе не судит и не осуждает инородные культуры: желая идти своими путями, мы отнюдь не утверждаем, будто мы ушли на этих путях очень далеко или будто мы всех опередили. Подобно этому мы совсем не утверждаем, будто всё, что в России происходит и создается, совершенно, будто русский ха-

ракти не имеет своих недостатков, будто наша культура свободна от заблуждений, опасностей, недугов и соблазнов. В действительности мы утверждаем иное: хороши мы в данный момент нашей встречи или плохи, **мы призваны и обязаны идти своим путем** — очищать свое сердце, укреплять свое созерцание, осуществлять свою свободу и воспитывать себя к предметности. Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны **самостоятельно быть**, а не ползать перед другими; **творить**, а не заимствовать [8, с. 323–324].

Квинтэссенцией размышлений И.А. Ильина о самобытности русской культуры становится следующий тезис: «Если русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести, то это отнюдь не означает, что она „отрицает“ волю, мысль, форму и организацию. Самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести). Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на первичные и вторичные: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и приемлют от них свой закон» [Там же. С. 325].

Т. Гоббс в трактате «Левиафан» допускал утверждение о равенстве способностей людей, из которого, по его мнению, возникает равенство надежд на достижение целей: если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, то они становятся врагами [2, с. 94].

Отправной точкой сконструированной Гоббсом теории является его бездоказательное допущение о «естественном» состоянии человека: «до тех пор, пока человек находится в естественном состоянии (которое есть состояние войны), мерой добра и зла являются его личные влечения». [Там же. С. 123].

Западные футурологи считают, что достаточно хорошо изучили Россию, однако мы вслед за И.А. Ильиным констатируем очевидный факт: «Европа не знает нас потому, что **ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека**. Западноевропейское человечество движется **во-**

лею и рассудком. Русский человек живет прежде всего **сердцем и воображением**, и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как „глупости“; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнилельно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо. Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; зато требует внутри государства формальной „свободы“ и формальной „демократии“. Русский человек всегда наслаждается естественной свободой своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и неестественностью своей внутренней индивидуализации; он всегда „удивлялся“ другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил **свободу духа** выше формальной **правовой свободы** — и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними» [8, с. 132–133].

Главная особенность русского государственного строя, по мнению Н.Я. Данилевского, заключается в том, что «не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготавливающееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осуществления» [4, с. 235]. Таким образом, русский народ есть цельный духовный организм, а не государственный механизм, в трактовке Гоббса.

В сегодняшней обстановке мировой турбулентности наполняется новым смыслом важнейшее высказывание Данилевского о тех трех исторических *ролях*, которые могут выпасть на долю народа: или положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа; или разрушительная деятельность так называемых бичей Божьих, предающих смерти дряхлые (томящиеся в агонии) цивилизации; или служение чужим целям в качестве этнографического материала [Там же. С. 112].

Самоопределение — это выбор одной из указанных ролей. Леденящим душу холодом пронизывает нас из глубины веков прогноз воз-

возможного будущего нашего Отечества: «России, не исполнившей своего предназначения и тем самым потерявшей причину своего бытия, свою жизненную сущность, свою идею, — ничего не останется, как бесславно доживать свой жалкий век, перегибать как исторический хлам, лишенный смысла и значения, или образовать безжизненную массу, так сказать, неодухотворенное тело, и в лучшем случае также распуститься в этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций, даже не оставив после себя живого следа» [4, с. 481].

Рассматривая глобализацию как практическое воплощение концепции One World, предполагающее конструирование унифицированной однополюсной цивилизации по западному стандарту, с обезличиванием и нивелированием человека, мы можем выделить ряд ее отличительных признаков, сходных с тоталитаризмом:

- опора на массы конформистов и отрицание классов,
- обезличивание человека,
- пропаганда как способ управления массовым сознанием,
- монополия на информацию как основа верховной власти,
- террор во всех сферах социальной жизни как истинная сущность данной формы правления,
- пренебрежение нормами права и нравственности,

• способность бесконечно воспроизводиться и сохранять свою структуру даже в условиях нестабильности.

В России никогда не было недостатка в пророках, и в сентябре 1870 года Ф. Тютчев написал «Два единства»:

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...*

Русская цивилизация понимается нами как диалектическое отрицание глобализма, как необходимое условие для обратимости процесса глобализации. Россия всегда принимала на себя самые тяжелые удары претендентов на мировое господство, и именно она проявляла феноменальную способность противостоять подобным устремлениям.

Основываясь на следующих ценностях: защита жизни, соборность, совесть, созидательность, великодушие, нравственное здоровье, свободолобие, умение терпеть, выносливость, «всемирная отзывчивость», Россия является центром притяжения других народов, она призвана защитить и сохранить уникальность и многообразие культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арендт Х.** Истоки тоталитаризма [пер. с англ.]. М.: ЦентрКом, 1996.
2. **Гоббс Т.** Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. В 2 т. Т. 2 / сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1991.
3. **Гумилев Л.Н.** От Руси до России: очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992. 272 с.
4. **Данилевский Н.Я.** Россия и Европа. М.: Изд-во Ин-та рус. цивилизации : Благословение, 2011. 816 с.
5. **Директива** Совета национальной безопасности США № 20/1 от 18 августа 1948 года. URL: http://movalex.narod.ru/pic/mdocs/directivi_dallesa.html.
6. **Ефремов И.А.** Час быка. Петрозаводск: Карелия, 1991. 430 с.
7. **Замятин Е.И.** Мы // Избр. М.: Правда, 1989.
8. **Ильин И.А.** О грядущей России: избр. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
9. **Ильин И.А.** Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
10. **Лейбниц Г.В.** Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984.
11. **Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс [пер. с исп.]. М., 2005.
12. **Соловьёв В.С.** Избранное. М.: Сов. Россия, 1990. 496 с.
13. **Шиллер Г.** Манипуляторы сознанием [пер. с англ.]. М.: Мысль, 1980.

МИЛОВЗОРОВА Мария Николаевна — кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова.

Россия, 190005, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 1
e-mail: znaumeru@yandex.ru

M.N. Milovzorova

LOVE AS A BASIC VALUE OF THE RUSSIAN CIVILIZATION

Love is considered as a basic value of Russian civilization, because through it and around it formed the other fundamental values: the protection of life, fairness, collegiality, conscience, creativity, generosity, moral health, freedom, the ability to endure, endurance, “world sympathy.” Russia is a center of attraction for other peoples and aims to protect and preserve the uniqueness and diversity of cultures. Russian idea in its organic interpretation says that the main thing in life is love, and that love is built to live together on earth.

CIVILIZATION; VALUES; CULTURE; THE PROTECTION OF LIFE; COLLEGIALLY; CONSCIENCE; CREATIVITY; GENEROSITY; MORAL HEALTH.

REFERENCES

1. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [Origins of Totalitarianism]. Moscow, TzentrCom Publ., 1996. (In Russ.)
2. Hobbes T. [Leviathan, or matter, form and power of the state of ecclesiastical and civil]. Works. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1991. (In Russ.)
3. Gumilyov L.N. *Ot Rusi do Rossii* [From Rus' to Russia: Essays ethnic history]. St. Petersburg, Yuna Publ., 1992. (In Russ.)
4. Danilevskiy N.Y. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Institute of Russian civilization, Blagoslovenie Publ., 2011. (In Russ.)
5. [Directive of US Council of national security № 20/1 from August 18, 1948]. Available at: http://movalex.narod.ru/pic/mdocs/directivi_dallesa.html.
6. Efremov I.A. *Chas byka* [Hour of the bull]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1991. (In Russ.)
7. Zamyatin E.I. [We]. [Favorites]. Moscow, Pravda Publ., 1989. (In Russ.)
8. Ilyin I.A. *O gryadushchey Rossii* [About the upcoming Russia: Selected Articles]. Moscow, Voenizdat Publ., 1993. (In Russ.)
9. Ilyin I.A. *Put' k ochevidnosti* [Way to the evidence]. Moscow, Respublika Publ., 1993. (In Russ.)
10. Leibniz G.V. [Works]. In 4 vol. Of vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1984. (In Russ.)
11. Ortega y Gasset H. *Vosstanie mass*. Moscow, 2005. (In Russ.)
12. Solovyev V.S. [Favorites]. Moscow, Sovetskaya Russia Publ., 1990. (In Russ.)
13. Schiller G. *Manipulyatory soznaniem* [Manipulators consciousness]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. (In Russ.)

MILOVZOROVA Mariya N. — Baltic State Technical University “Voennmeh” named after D.F. Ustinov.

1st Красноармейская ул., 1, St. Petersburg, 190005, Russia
e-mail: znaumeru@yandex.ru